

ЛОЛИТА ЛАНСКАЯ

После развода.
Попробуй заслужить

Лолита Ланская

**После развода.
Попробуй заслужить**

«Автор»

2026

Ланская Л.

После развода. Попробуй заслужить / Л. Ланская — «Автор»,
2026

Три года назад я развелась с Даниилом Грановским. Его измена не стала ни случайностью, ни моей виной. Теперь у меня любимая работа, своя квартира и десятилетний сын, которому не нужно мирить родителей. Осталось продать нашу дачу — единственное общее имущество, с которым мы слишком долго не решались расстаться. Мы встречаемся по субботам, разбираем вещи и спорим о цене. Он всё ещё умеет рассмешить меня одним взглядом. Всё ещё слишком красив. И впервые не пытается добиться прощения быстрее, чем я могу его дать. Только между желанием поцеловать бывшего мужа и решением снова впустить его в свою жизнь — несколько месяцев, неприятные разговоры и поступки, которые никто не обещал заметить. Вернуть прежний брак невозможно. А на новую любовь придётся решиться нам обоим.

© Ланская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Смета на прошлое	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

После развода. Попробуй заслужить

Глава 1. Смета на прошлое

Бывший муж позвонил, когда я стояла в очереди за кофе и пыталась решить, заслуживает ли понедельник булочки с кардамоном. На экране высветилось «Даниил», и женщина впереди немедленно перестала рассказывать продавщице о своём давлении, будто тоже ждала от этого имени неприятностей. Вообще-то Даниил давно звонил только по делу. Но организм хранил собственную телефонную книгу и некоторые номера узнавал раньше меня.

– Соня, на даче потекло над верандой. Я вчера приехал за лыжами, увидел пятно. Кро-
вельщик посмотрит в субботу, часа в одиннадцать. Сможешь подъехать?

Я посмотрела на булочку. От неё не требовалось ни принимать решения об общем иму-
ществе, ни помнить, где лежит ключ от дома, в котором мы когда-то собирались состариться.
Кардамон явно вёл более приятную жизнь.

– Смогу. Макар будет у мамы, они договорились печь какие-то ужасные печенья с гла-
зами. Насколько сильно течёт?

– Пока не катастрофа, но оставлять до лета я бы не стал. И ещё, Сонь... Там нужно
разобрать вещи. Хотя бы от стены отодвинуть.

– Отодвинуть наше прошлое от мокрой стены? Давай попробуем. В одиннадцать буду.

Я взяла кофе и булочку, хотя уже опаздывала в музей. На работе предстояло объяснить
начальнику, почему голос актёра, читающего историю дореволюционного водопровода так,
словно его немедленно расстреляют, не подходит для семейной аудиопрограммы. Это была
трудная, но понятная задача. В отличие от субботы.

Ключ нашёлся в ящике с запасными батарейками. Я положила его туда три года назад,
когда мы с Даниилом развелись: отдельное металлическое доказательство того, что не всё сразу
удастся решить. Городская квартира после раздела осталась мне, накопления мы учли, счета
развели. Дачу оставили пополам. Сказали себе, что Макар маленький, ему нужны привычные
вещи. Потом он вырос на полторы ладони, начал путать мои зарядки со своими и перестал
спрашивать, когда мы опять поедем все вместе.

В субботу я заехала к маме в половине десятого. Сын выбежал к машине за пакетом с
футболкой, которую сам же забыл унести, и сообщил, что печенье будет научным: вместо глаз
у него оказались кратеры. Мама махала из кухонного окна деревянной ложкой. У неё на голове
стояли очки, а на подоконнике теснились горшки, которые постепенно захватывали квартиру
с уверенностью маленькой хорошо вооружённой страны.

– Ты можешь приезжать после шести, – сказал Макар, обняв пакет. – Мы ещё будем
фильм смотреть. Только не тот, где все плачут, бабушка обещала.

– У бабушки даже фильм про пылесос может оказаться с сильной драматической линией.
Если что, звони, будем спасать пылесос вместе.

Он засмеялся и побежал обратно, на ходу натягивая слишком большую шапку. Я дожда-
лась, пока за ним закроется подъездная дверь, и выехала со двора. Раньше почти каждое рас-
ставание с сыном сопровождалось мыслью, не слишком ли мало времени я с ним провожу. За
три года я научилась хотя бы иногда оставлять эту мысль без ужина.

На дачной дороге лежал грязный снег, а между соснами уже показывалась мокрая хвоя.
Посёлок «Лесная Поляна» был назван человеком с невеликой фантазией, зато с хорошим зре-
нием. Здесь действительно имелись и лес, и поляна, и примерно сорок домов, хозяева которых
спорили в общем чате так, будто обсуждали судьбу Европы. Я давно выключила там уведомле-
ния. Даниил, кажется, продолжал читать и даже однажды написал про шлагбаум, за что полу-
чил восемнадцать благодарностей и обвинение в присвоении общих денег.

Его машина стояла у забора. Сам он разговаривал с невысоким мужчиной в рабочей куртке, держа под мышкой папку. Песочно-русые волосы были короче, чем я помнила; чисто выбритый подбородок, синий свитер под расстёгнутой курткой, ровная спина. Красивый, зараза. В сорок один год Даниил выглядел так, будто зрелость заключила с ним отдельное соглашение и обязалась портить исключительно характер.

Я увидела себя в боковом стекле машины: гладкое тёмное каре, зелёные глаза, помада, которую нанесла машинально перед выездом. Стереть её теперь значило бы придать происходящему лишний смысл. Я забрала сумку и вышла, стараясь не шлёпнуть в лужу единственным непромокшим ботинком.

– Здравствуйте. Софья, второй собственник и человек, который предупреждал, что эта веранда нас переживёт только из вредности.

Мастер представился Сергеем и, к счастью, не спросил, жена ли я Даниилу. Через пять минут мы уже стояли под потолком с желтоватым пятном. Сергей говорил про стык, снег и необходимость вскрыть небольшой участок, а я смотрела на лавку у окна. На ней лежала красная подушка с выцветшей полосой. В последний раз я сидела там с ноутбуком, редактировала рассказ о городских прачечных и кричала Даниилу, чтобы он проверил мясо на огне. Макару тогда было семь. Всё казалось обычным, а он уже умел возвращаться ко мне после другой женщины.

– Соня, ты как считаешь? – спросил Даниил, и я повернулась так резко, что задела плечом висющую куртку.

– Я пропустила конец. Повторите, пожалуйста. Только без предположения, что женщинам скучно слушать про кровлю: я сегодня в целом медленно соображаю.

Сергей спокойно повторил. Сначала осмотр, потом точная смета, сейчас никаких обещаний на десять тысяч и полчаса. Это мне понравилось. Даниил спросил, сколько времени займёт работа, я уточнила, что случится, если ограничиться временной мерой. Ответ был достаточно внятным, чтобы не хотеть ограничиваться.

Когда мастер уехал, мы остались в кухне. Даниил налил воду в чайник и открыл шкаф. Из него выглянула моя старая кружка, белая, с рыжей лисой, похожей на неудачно собранную морковь. Я купила её на ярмарке только потому, что Макар в четыре года сказал: «Она на тебя смотрит». С тех пор лиса смотрела на меня с немим упрёком почти из каждого семейного завтрака.

– Кофе растворимый, – предупредил Даниил. – Дата нормальная, я привёз. Печенье тоже свежее. Не то, что мы здесь бросили до развода.

– Жалко. Могли бы передать печенье в мой музей. Отдел бытовой стойкости русского человека.

Он улыбнулся, и возле глаз появились мелкие складки. Эту улыбку я знала задолго до Макара, до дачи и до слова «раздел». Когда-то мне казалось, что если человек вот так улыбается именно тебе, беда между вами технически невозможна. Неприятное было открытие: всё возможно, даже если у человека голубые глаза и очень хорошие зубы.

Я сняла пальто, повесила на спинку стула и села. На столе лежала бумага с цифрами: прошлогодние взносы, зимнее электричество, прочистка дороги. Даниил не придвинул её ко мне с выражением человека, который содержит бывшую семью. Просто развернул, чтобы я могла прочитать. Мы платили поровну, иногда один переводил позже, но задолженностей друг перед другом не накопили.

– Давай продадим, – сказала я, прежде чем он успел объяснить ещё один пункт. – Не будем каждую весну чинить место, куда оба приезжаем по обязанности.

Он оставил ложку в сахарнице. Я вспомнила, как раньше злилась на эту привычку: сахар потом сырел. Теперь меня почему-то тронул сам масштаб прежнего раздражения. Как хорошо было считать сырой сахар серьёзным недостатком семейной жизни.

– Я думал, мы подождём ещё год. Макару летом здесь нравится.

– Когда он последний раз просился сюда? Только сам, без нашего предложения пожарить сосиски.

Даниил посмотрел в окно. За стеклом стояла яблоня, которую мы выбрали на придорожном рынке восемь лет назад. Продавец обещал крупные сладкие яблоки. В действительности они были небольшие и кислые, зато дерево не умерло, чем выгодно отличалось от половины наших садовых начинаний.

– Осенью он говорил про шалаш. Мы хотели достроить, но потом пошли дожди.

– Он хотел шалаш в компьютерной игре, Даня. Здесь у него один соседский мальчик, который бывает два раза за лето. И взрослые, которые стараются не встретиться у мангала.

Мне не хотелось звучать жестоко. Особенно потому, что я сама два года повторяла фразу про привычное детство. Было удобно считать, что дом нужен ребёнку: тогда не приходилось признавать, сколько места он занимает во мне. Пока стояли чашки, висели куртки и скрипела третья ступенька, наша жизнь будто не закончилась окончательно, а просто ушла на очень длинный обед.

– Ладно, – произнёс Даниил. – Спросим его про вещи. Но решение о продаже всё равно наше. Не будем ставить перед ним вопрос, можно ли нам наконец разобраться.

Я ожидала сопротивления и уже приготовила примерно шесть доводов, один из которых был совершенно нечестным. Пришлось аккуратно сложить их обратно. Это раздражало даже больше, чем спор: я приехала вооружённой, а он поставил передо мной печенье.

– Согласна. Он может злиться, выбрать, что забрать, попрощаться. Только без твоего любимого «вырастешь – спасибо скажешь».

– Я так говорил один раз. Когда он хотел купить скейт без колёс, потому что на доске был дракон.

– Ты сказал это так убедительно, что я до сих пор жду, когда вырасту и начну благодарить.

Мы рассмеялись одновременно и сразу оба занялись чашками. Смех возник слишком привычно, без разрешения. Я могла спокойно обсуждать с ним школьную поездку, стоматолога, потерянные вареники. Но это короткое совпадение голосов сбilo меня сильнее, чем вид мокрого потолка. Даниил тоже замолчал, и впервые мне стало любопытно, думает ли он сейчас о том же. Спрашивать я не собиралась.

Он предложил риелтора, с которой продавал квартиру его коллега. Я попросила сначала прислать контакты и условия, чтобы мы оба прочитали. Потом мы прошли по дому, составляя список того, что надо убрать до осмотра. В спальне висело зеркало, которое почему-то делало любого человека усталым. Я остановилась перед ним, поправила край волос и заметила, что больше не вижу женщину, которой три года назад не хватило воздуха на собственной кухне.

Тогда всё началось с планшета. Я взяла его, чтобы найти рецепт теста для школьной ярмарки, и увидела сообщение: «В пятницу как обычно? Я соскучилась». Ещё несколько слов не оставляли места дружескому толкованию. Даниил пришёл через сорок минут. Я спросила один раз, он ответил не сразу. А потом произнёс, что это ничего не значило, будто мне следовало обрадоваться: двенадцать лет брака он обменивал на вещь, не имеющую даже значения.

В последующие месяцы было много слов. Мы развелись не в тот вечер и не назло. Я ходила на работу, собирала ребёнка в школу, забывала, для чего открыла холодильник, разговаривала с юристом. Даниил пытался вернуть меня. Я не вернулась. С тех пор прошли три года, и мысль об этом больше не отнимала у меня целый день. Иногда только минуту. Иногда, как сейчас, целую комнату.

– Эти коробки я могу перенести в воскресенье, – сказал он из коридора. – Там в основном мои бумаги и инструменты. Твоё без тебя трогать не буду.

– Хорошо. И Макаров синий ящик оставь, пожалуйста. Он решит сам, куда его везти.

Мы спустились вниз. Я всё-таки забрала свою кружку из сушилки, вытерла кухонным полотенцем и снова поставила в шкаф. Увезить её сегодня показалось преждевременным. В конце концов, мы ещё даже не договорились о цене, а я уже устраивала вещам торжественное переселение.

К трём часам я устала так, будто лично держала крышу. Даниил вынес к машине пакет с книгами, которые я решила отдать в музейный обменный шкаф, и спросил, не забыла ли я шарф. Шарф лежал на мне. Я посмотрела на него с некоторым удовлетворением.

– Привычка, – объяснил он. – Раньше ты их везде оставляла. У нас один целую зиму жил в ресторане.

– И прекрасно там устроился. Ел лучше меня, работал меньше. Не напоминай, я ему завидую.

Он поставил пакет на заднее сиденье, закрыл дверь и остался возле машины. На свету его глаза казались почти прозрачными, и я очень хорошо помнила, как он смотрит, когда хочет что-то сказать и подбирает не слова, а момент. Раньше я торопила его. Сегодня спокойно ждала, держа ключи между пальцами.

– Ты в воскресенье работаешь? Макар говорил, у тебя опять запись.

– На этой неделе нет. Плаваю утром, потом мы с Зоей собирались в кино. Если она не передумает и не потащит меня смотреть на старые кружева.

– Значит, отдыхаешь. Хорошо. Я просто подумал, что всё время вижу тебя куда-нибудь опаздывающей.

Мне захотелось рассказать, что в бассейне наконец починили сушилку, а фильм мы выбрали ужасный, потому что обе любим красивые костюмы и сомнительные поступки. Захотелось безо всякой причины, как человеку, который мог бы понять с полуслова. Я от этого желания разозлилась.

– Теперь буду приезжать на пять минут раньше и сидеть в машине с лицом безмятежной женщины. Для твоего душевного спокойствия.

Он не ответил колкостью. Только кивнул и отошёл от двери, освобождая дорогу. Я завела двигатель, выехала за ворота и поймала себя на том, что жду в зеркале его последнего взгляда. Пришлось включить радио погромче.

Вечером мама выдала мне сына, коробку печенья и подробную историю о том, как главный герой фильма всё-таки не умер. Макар уснул в машине, прижав к куртке свою коробку. Дома я помогла ему добраться до кровати, поставила чайник и вспомнила про оставшуюся на даче кружку. В шкафу было ещё семь, совершенно исправных. Я выбрала жёлтую, без всяких животных.

Контакт риелтора пришёл в половине девятого. Следом Даниил написал, что предварительно договорился на следующую субботу, но подтвердит только после моего ответа. Я открыла календарь, проверила рабочие дела и отправила: «Подходит». После этого некоторое время смотрела в экран, хотя разговор закончился.

За окном гудела вечерняя дорога. На завтра у меня был бассейн, потом кино, на понедельник – совершенно невозможный актёр и его страдания над водопроводом. Я была довольна своей жизнью. И всё-таки, убирая телефон, ощутила неприятно знакомое движение внутри: словно в комнате, где я давно научилась обходиться без света, кто-то повернул выключатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.